

УДК 130.2

**ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ
И ПРЕСТУПНЫХ СУБКУЛЬТУР****PHILOSOPHICAL AND CULTURAL UNDERSTANDING OF CRIME
AND CRIMINAL SUBCULTURES****Э.Н. Гущин
E.N. Gushchin**

*Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7
Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev St, Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: Eduard.Guschin@gmail.com

Аннотация. В статье дано философско-культурологическое понимание преступности и криминальной субкультуры, которые являются относительно новым предметом исследования философии и культурологии; отмечается, что исследование преступной субкультуры в полной мере стало осуществляться лишь с середины XX века за рубежом и с 80-х годов прошлого века в России.

Resume. The article contains a philosophical and cultural understanding of crime and criminal subculture, which is a relatively new subject of research of philosophy and culture; notes that the study of criminal subcultures have been fully implemented only since the mid-twentieth century abroad and 80-ies of the last century in Russia.

Ключевые слова: маргинальность, криминал, субкультура, преступная субкультура, образы преступника.
Keywords: marginality, crime, subculture, criminal subculture, the images of the offender.

На сегодняшний день, назрела необходимость проследить все многообразие выражения преступных субкультур, их культурную трансформацию в различных обществах – европейской культуре, в обществе модерна, постмодерна; в индустриальном мире, связанном с капиталом и практиками быстрого изменения моральных норм. В современном обществе присутствует тенденция размывания границ прежних, устойчивых моральных ценностей, ориентация на личность и ее потребности, что влечет за собой неуловимое изменение отношения к преступности, миграцию понятия «преступление». Европейская юриспруденция, открытые громкие судебные процессы последних лет обнаруживают парадоксальные казусы, с которыми общество вынуждено соглашаться. Постепенно, современное общество отказывается от традиционных мер наказания (смертная казнь), практики пресечения и профилактики преступности, находясь в поиске гуманных мер воздействия на преступника.

Это свидетельствует о глубоких ментальных, культурных трансформациях, направленных не на изоляцию преступника, а на включение представителя криминальной субкультуры в обычное общество без попытки изменить (исправить) его личность. Известны примеры, когда такой культурный процесс лишь создает видимость гуманности, которая распространяется лишь на самого преступника, но ущемляет интересы всего общества или полностью дегуманизирует ситуацию (лишение родительских прав за стандартное наказание ребенка, который становится сиротой при живых родителях).

В настоящее время, обращает на себя внимание факт проникновения элементов криминальной субкультуры в массовую культуру. Особенно ярко этот процесс был представлен в России в 90-е годы, когда маргинализация культурных проектов, искусства стала носить популярный, псевдонноваторский характер, была воспринята различными общественными группами и обрела права доминирующей культуры.

Особое место в сфере научных исследований занимает криминальная субкультура, которая, как правило, рассматривается обществом в качестве одно из главных препятствий на пути к благоденствию и процветанию. Существует, достаточно идеологизированное мнение о том, что та или иная власть способна победить криминал и обеспечить обществу счастливое существование; о том, что криминальные круги могут «разыгрываться», выходить из-под контроля, усиливать свое влияние как на основное большинство людей, так и проникать в руководящие «верхи». Если рассмотреть исторический процесс с философской, а не с социологической точки зрения (что, порой, является, просто невозможным), вряд ли можно найти какой-либо период времени, какую-либо культуру, свободную от преступлений и наказаний, борьбы одних людей, вооруженных законом и представлениями о справедливости – с другими, отказывающимися признавать *некоторые* этические

ские нормы общества. Возможно ли найти более-менее долгосрочный исторический период особенно криминального разгула, можно ли сопоставлять количество преступлений в разные эпохи?

Необходимо признать, что криминальная субкультура – особая, исторически устойчивая, архаическая система, включающая отношение и реакцию людей, совершивших или замысливающих преступление, на доминирующую культуру и общество, ее поддерживающее.

Вплоть до недавнего времени криминальная субкультура изучалась ограниченным кругом научных дисциплин, связанных с юриспруденцией. Существует устное мнение, что исследования криминала, сложны, ведь представители преступного мира не спешат идти на контакт; а тюремная субкультура не совсем соответствует криминальной. Поведение преступников «на воле» отличается от поведения «на зоне». До недавнего существовало и еще одно мнение: изучение криминала должны проводить специалисты своим узким, закрытым кругом, а многие полученные результаты и выводы не должны быть широко известны в целях сохранения их свежести, достоверности; в интересах силовых структур. Например, это касалось изучения жаргона, татуировок, психологии преступника; закрытой была информация о методиках проведения криминологических экспертиз, ведения следствия.

В 80/90-е годы прошлого века ситуация резко меняется: развивается понятие гласности, несколько меняется представление о профессиональной этике в среде правоохранителей, либерализируются отношения между гражданским населением и силовыми структурами. Уровень преступности повысился, увеличилось число экономических преступлений. Средства массовой информации захлестывает волна «сенсационных» репортажей о криминальных разборках и преследовании государством организованной преступности, появляются специализированные издания (газета «Совершенно секретно»). 2000-е годы продолжают тенденцию распространения в обществе знания о криминальной субкультуре, но уже по другим причинам: укрепившееся научное сообщество получило дополнительную возможность публиковать, фактически, в открытом доступе информацию о новых исследованиях криминальной субкультуры. Такие возможности открылись благодаря развитию Интернет-технологий и появлению новых, коммерческих проектов по изданию научных трудов. Западный кинематограф популяризирует сюжеты на детективную тематику, снимает документальное кино, в которых достаточно подробно описана криминальная субкультура.

В настоящее время в науке достаточно подробно описаны криминальные феномены нескольких последних десятилетий. Разработкой этого вопроса занимаются самые различные науки: юридическая и социальная психология, криминология и криминалистика, социальная философия и философия права, культурология и социология и т. д. Изучением преступной, тюремной или криминальной субкультуры занимаются такие исследователи, как В.В. Волков (преступные группировки), Д.В. Громов (о люберецких молодежных компаниях), В.Ф. Пирожков (криминальная субкультура молодежи), Д.Г. Донских, А.А. Тайбаков (преступная субкультура), и т. д. В.В. Шемякина в своих работах касается вопроса истории становления криминальной субкультуры, рассматривая российскую повседневность. По ее мнению, исследователями криминальной субкультуры России были писатели Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, В.Т. Шаламов, А.И. Солженицын, а также криминологи Д.А. Дриль, М.Н. Гернет, П.И. Люблинский [1, с. 100]. Она замечает, что первыми зарубежными криминологами, обратившими внимание на криминогенность субкультурных конфликтов, были А. Коэн, Р. Клоуард, Л. Олин [2, с. 4]. На основе изучения различных теоретических работ и эмпирического материала, В.В. Шемякина определяет криминальную субкультуру как «образ жизни, систему политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических «норм», манеру поведения, образ мышления и традиции лиц, совершивших преступление или отбывавших (отбывающих) наказание в местах лишения свободы, со своими отличительными чертами в зависимости от пола и возраста осужденных, режима исправительного учреждения, тяжести совершенного уголовно-правового деяния» [2, с. 9]. Отметим, что некоторые исследователи стремятся подтвердить мнение о том, что любого человека, относительно оторванного от преступного сообщества, но совершившего преступление, можно причислить к представителям криминальной субкультуры. Такая позиция упрощает определение криминальной субкультуры.

До сегодняшнего дня существует вопрос, пусть и не звучащий слишком открыто: должна ли основная масса общества знать подробно особенности криминальной субкультуры; должны ли такие сведения быть в открытом, неограниченном доступе, или это, отчасти, способствует криминализации населения?

Очевидно, что криминальная субкультура является частью маргинальной культуры, производящей свой семиотический код (знаковую систему – в виде татуировок, жаргона, тюремного фольклора, визуальных репрезентаций преступности в кино и т. д.), утверждающей свои законы генезиса, развития и регресса. Как культурное явление, криминальная субкультура, представляет собой довольно устойчивый во времени, динамично развивающийся, подверженный культурным трансформациям феномен, обнаруживающий некоторые «консервативные», темпорально регидные основы. Развитие криминальной субкультуры можно проследить во все века существования человечества, пожалуй, она является одной из самых древних, архаичных субкультур, отражающей

многие психологические феномены: страхи, желания, архетипы, саму природную сущность человека и его попытки отойти от естественного.

Криминальная субкультура сохраняет в себе две противоречивые тенденции – попытку отойти от всего культурного, стремление к животному и стремление организовать, то есть обрести культурную форму. Принадлежность криминальной субкультуре утверждает статус человека-внеобщества, однако сама субкультура формирует закрытое, сложно устроенное общественное объединение – криминальный социум, поглощающий в себе все, что хотя бы одним признаком претендует называться человеком.

Современное обыденное представление о криминальном мире рисует его как сообщество предельно жестоких, циничных людей, способных с высоким мастерством совершать различные преступления и уклоняться от «буквы закона». Но криминалитет является достаточно древним феноменом в жизни различных обществ и культуре разных народов. Вместе с тем, существует мнение, что криминальная культура прошлого могла значительно отличаться какими-либо характеристиками, от той, что существует сейчас, в пространстве европейской цивилизации. Иными словами, признавая за криминальной культурой архаичность, общественность зачастую отказывается ей в давних традициях. Как представляется, с этим мнением можно поспорить.

Механизм совершения преступления, мотивы и причины преступников во многих случаях совпадают, и, по большому счету, неважно, в какую эпоху совершается то или иное преступление. В научном дискурсе назрела необходимость изучения криминальных феноменов в качестве субкультурных, восходящих к самой глубокой архаике. Подобный анализ, на наш взгляд, может способствовать более адекватному, объективному пониманию сущности современной преступности, криминальной субкультуры и ее трансформаций; в конечном итоге – более успешной борьбе с распространением криминальной идеологии.

Несмотря на большое количество работ, посвященных теме преступности, очевидно, что назрела необходимость философской рефлексии развития криминальной субкультуры в различные исторические периоды и в разных геополитических условиях. Подобная рефлексия может быть затруднительна из-за того, что криминальная субкультура различных исторических периодов использует разный культурный код, символику, по-разному выстраивает иерархию и внутригрупповые отношения, обладает различной степенью самосознания и самовосприятия, по-разному продуцирует образ «жертвы», образ «врага» («чужого») и образ «своего» (пожалуй, именно на этой триаде может быть построено описание любого криминального феномена).

Однако ряд типичных черт криминальная субкультура все же сохраняет, независимо от пространства и времени своего существования. Можно говорить об общих тенденциях культурного развития криминала в масштабе всей мировой цивилизации. Однако мы ограничились исследованием наиболее наглядных и культурно близких для нас регионов – Европой, Америкой и Россией.

Например, в современной культуре России криминальную субкультуру репрезентируют следующие ментально-антропологические и этические характеристики, порой несовместимые и парадоксальные:

- романтизация и оправдание преступной жизни;
- безысходность «воровской» судьбы, фатализм;
- временное согласие с судьбой, чередующееся с моментами бунта;
- вера в сверхъестественные силы;
- авантюризм и тяга к приключению, путешествиям, комфорту и обеспеченности вопреки жизненным трудностям;
- понятие «фарта» или везения, восприятие жизни как игры, игровое «смирение» с обстоятельствами, реальностью;
- «закрытость», недоступность субкультуры для абсолютного большинства;
- потребность в испытании субъектом самого себя;
- презрение к остальному обществу, презрение к женщине и к слабому;
- уважение не старшего, а более опытного;
- поиск «правды», плоскостное видение мира в черно-белом свете;
- попытка вызвать жалость к субъекту, совершившему преступление;
- преклонение перед физической силой, авторитаризм;
- абстрактные диады «преданность-предательство», «вина-раскаяние», «проступок-расчет»;
- восприятие насилия как обыденной практики;
- китч, хвастовство; и т. п.

Но что удивительно, подобные характерные черты субкультуры можно встретить задолго до современности.

Таким образом, в криминальной субкультуре присутствуют характеристики и элементы не просто архаические, а такие, которые в принципе не устаревают, является непобедимыми, постоянно возрождаются, воспроизводятся и распространяются. Возможно, что сама субкультура зародилась в истории человечества уже «готовой», в совокупности бессознательных и архетипических

практик и систем отношений. Используя философско-антропологический подход, можно изучить эти характеристики в длительной истории криминальной субкультуры и культурных трансформаций образа преступника.

Сделать это возможно, обращаясь к различным историческим и литературным источникам, культурным практикам, поскольку сведения о восприятии преступником среды, общества, и обществом – преступника, чрезвычайно скудны (тем более, если обращаться к древности). Теоретически возможно говорить о модели или образе преступника той или иной эпохи, ведь в научной практике существует традиция обсуждения человека (субъекта, индивида) той или иной культуры или исторического периода. Необходимо разделить образ человека на уже упомянутую триаду: жертва-преступник-заступник (варианты последнего звена: судья, палач, прокурор; следователь, полицейский, жандарм и т. д. – то есть тот, кто представляет противодействие общества – преступности). В любой структуре общества, речь может идти только об этих трех вариантах самоопределения человека – четвертого не дано. Различие заключается, в том, какая – пассивная или действенная – модель поведения реализуется человеком внутри той или иной избираемой роли. Каждый член общества вовлечен в систему правовых отношений, неважно на каком этапе развития она находится.

Конечно, такая характеристика будет носить условный характер, поскольку невозможно создать абсолютно точный портрет человека, принадлежащего той или иной эпохе; можно лишь говорить о «собирательном образе». Именно такая обобщенная характеристика открывает философско-антропологический аспект развития криминальной субкультуры, помогает суммировать и ощутить те социокультурные условия, которые отразились во множестве частных случаев преступления и наказания.

Изучение криминальной субкультуры представляется важным практическим моментом, способствующим, пусть и опосредовано, борьбе с криминалом (например, изучение механизмов преступности прошлого может быть источником информации для создания мер, предупреждающих современную преступность).

Тем не менее российские исследователи посвящают свое внимание вопросам развития современной организованной преступности, значительно меньше касаясь проблемы преступности в монархический период истории России. В русскоязычных источниках еще более сложно встретить исследования феномена европейской преступности, особенно в ее раннем этапе развития. В этом обстоятельстве, видна некоторая несправедливость – отечественные медиевисты, культурологи и философы, как будто отказываются от попыток сравнительного анализа развития криминальной субкультуры на Руси, в России и Европе. Такое историко-культурологическое или антропологическое исследование могло бы оказаться очень интересным, поскольку наглядно раскрывало бы, через возможное сходство криминалитета разных государств, сущность криминала как социокультурного феномена. И уж тем более, такой сравнительный анализ невероятен в зарубежной научной литературе (хотя средневековая повседневность Европы изучена очень хорошо, в частности – французскими исследователями).

Очевидно, что исследование древней истории и культуры сопряжено со многими организационными трудностями, которые умножаются, если речь идет о незнакомой, «чуждой», «неродной» исследователю, культуре. Конечно, для полноценного историко-культурологического, философско-антропологического анализа желательно использовать, в сочетании с другими, литературные тексты, хроники, различные записи и современные изданные публикации на оригинальном языке. Но если такой возможности нет, все же, от этого пути отказываться не стоит. Возможно, такую ситуацию может исправить обращение к большему количеству источников из разных областей знания.

Необходимо определить границы криминальной субкультуры, которая может маскировать себя под любые культурные формы, обозначить культурный код криминалитета, которой активно цитирует современная массовая культура, исследовать причины такого заимствования и цитирования, выяснить взаимодействие криминальной и тюремной субкультур. Актуальность нашей тематики вытекает из недостаточного исследования культурно-исторического генезиса криминальной субкультуры, многообразия преступных субкультур в традиционном обществе; специфики формирования личностной идентичности и жизненных стратегий преступника в современной социокультурной динамике.

Итак, криминальная субкультура охватывает все уровни развития общества, классы и слои; любой гражданин, не сталкиваясь с криминалом непосредственно, по отношению к нему – себя определяет.

Список литературы References

1. Шемякина В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры // Вестник Челябинского государственного университета. № 7 (145). Право. Вып. 18. Челябинск, 2009.

Shemyakin V.V. The historical aspect of the origin, formation and development of the criminal subculture // Herald of Chelyabinsk State University. Number 7 (145). Right. Vol. 18. Chelyabinsk, 2009.

2. Шемякина В.В. Криминальная субкультура современной России. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. юрид. н. Челябинск. 2010.

Shemyakin V.V. Criminal subculture of modern Russia. Author. diss. on competition uch. Art. cand. jurid. n. Chelyabinsk. 2010.